

Шенок из подворотни

Дождь вперемешку со снегом,
Холодный ноябрьский ветер.
Всё на свете пегое,
Мокрое всё на свете.

И слизи туч уползают
По горизонту мглистому...
В такую погоду хозяин
Собаку не выгонит из дому!

Иду в побуревшей шинели
По выстиранной панели.
И хлещет вода потоком
В чужие жёлтые окна...

И вдруг – в глухой подворотне
Щенок возле стенки самой.
Улыбается кроткими
Страдальческими глазами.

Щенок – кости да кожа,
А лапы в воде студёной.
Трясётся щенячьей дрожью
И скулит, как ребёнок.

И на меня не смотрит –
Думает: тоже бездомный,
А смотрит в окна напротив,
На силуэты тёмные...

Глупый! Ведь те, что в окнах,
В тёплую тину комнат
Не любят пускать мокрых,
Тем более – незнакомых.

Ты никому не нужен.
А я – посажу за ворот
И, прыгая через лужи,
Побегу через город.

Там, на куличках у чёрта,
В казарме горланят горны.
Обогреем махоркой,
Хлебом накормим.

Не молоко на блюдце...
И обступившие люди
Громко и часто смеются,
А умиляться не любят.

Вот будет тебе восемнадцать –
И ты понимать будешь,
Что любят всегда умиляться
Холодные, злые люди.

А мы накормим, согреем,
Полюбujemy, спать уложим...
И утром не бросим за двери,
Утром накормим тоже.

И никто не сомлеет,
Подумав, что так благороден.
Мы никого не жалеем
И не спрашиваем породы!

Только спросит угрюмый ротный,
Которому год не пишут:
«Кто ж его – в подворотню,
Сукиного сынишку?...»

1945

Баллада о двух домах

Толстостенный, стрельчатый и гулкий,
Старый, но по-стариковски стройный,
В тихом приарбатском переулке
Он ещё до той войны построен.

Много лет стоял он одиноко,
А потом, ему на радость, рядом
Выстроили новый – светлоокий,
С белою воздушной колоннадой.

И я так жалел, что в русской речи
Дом не может называться ею...
По ночам раскуривал он печи,
Зябкую соседку дымом грея.

А она вдруг, в шаловливой ласке,
С крыш в него бросала комья снега...
Он гудел, рассказывая сказки,
Всё, что перевидал за полвека.

Говорил про грозный гул восстаний,
Про знамёна, песни и пожары
И какие пышные каштаны
Расцветут весной на бульварах.

По утрам, когда заря потоком
Разливалась над трамвайным кругом,
Просыпались, протирая окна,
Улыбаясь солнцу и друг другу.

А потом пришли другие ночи...
Страшно, интересно и обидно:
Им, чуть вечер, закрывали очи,
Им не видно – значит, их не видно.

А вокруг визжало и гремело,
У людей – и то мороз по коже,
А дома совсем теряли смелость
И тряслись неровной мелкой дрожью.

И однажды разорвалось около,
Оглушило, укололо сталью,
И со звоном вылетели стёкла,
Трепеща бумажными хвостами.

Дом ослеп.
Весь год врачи-стекольщики
Ящики таскали по квартирам.
А весной, когда набрякли почки,
Потянуло сыростью и сыром,

Дом прозрел.
Взглянул – и не поверил:
Где стояла с белой колоннадой,
Распластался добродушный скверик
С очень легкомысленной оградой.

И под ёжик стриженный кустарник,
И от нянек убегают дети...
И, сбежав от парты и казармы,
Я смотрел весну там – и заметил,

Как прозревший дом, вдруг вздрогнув, замер,
Изумлённо изогнув карнизы...

Вот и всё.

Дома не моются слезами
И не правят тризны.

1945

Озеро Баскунчак

Сюда верблюд дойдёт – и околеет.
Здесь солончак вгрызается в типчак.
Упёршись в тупики узкоколеек
Лежит в степи солёный Баскунчак.

Вода играет розовым и белым
Среди седых лысеющих песков –
Тугая и солёная, как тело
Казачек из окрестных хуторов.

Куски окаменелого навоза...
Здесь шёл ордой скуластый хан Кончак,
И полонённых киевлянок слёзы
Стекали ручейками в Баскунчак.

Здесь, от боярских ускользнув холопов,
Казак, выдавший виды на веку,
Оплакивал, давясь чертополохом,
Отрубленную Стенькину башку.

Потом повисли в небе «мессершмитты»
И озеро кольцом лизал пожар.
Мело волной калмыцкие кибитки,
И глохнул рёв взбесившихся отар.

И видел я,
 как отделялись бомбы,
 как озеро проснулось на войну
И, охая от боли и от злобы,
Засасывало
 бомбы
 в глубину.

1946

Княжпогост

Откуда это имя – Княжпогост?
И для чего, мастак на злые шутки,
Сюда забрался родовитый гость
И околел с тоски на третьи сутки?

Ему-то пухом мать-земля сыра.
А ты закутайся, стяни потуже пояс...
Печальный случай – приезжать вчера
И только завтра попасть на поезд.

Здесь воздух безысходностью пропах.
Здесь девять месяцев – ни зги, а два – ни тени.
И проволока ржавая в шипах –
Единственное здешнее растение.

Здесь жить нельзя. Здесь можно только ждать.
И день проклясть, и ночь. Свои мученья
Проклясть. И в заключение – отбывать...
Тем, кто не отбывает заключение.

Напиток сладкий, душный, липкий
Неторопливо разольём.
И звонко чокнутся улыбки,
Изломанные хрусталём.

Столкнув глазами ненамеренно,
Нас вдруг привяжет через стол
Скорей догадка, чем уверенность,
Что ты нашла. И я нашёл.

Мы промолчим. Но тем не менее
Друзей, должно быть, удивит
Твоё хмельное оживление,
Мой откровенно глупый вид.

И все уйдут.
А ты – лишь в третьем, снимая нитку на плече,
Шепнёшь, когда и где мы встретимся,
Но только не шепнешь – зачем.

А будет дождь хлестать отчаянно
О нескончаемый забор...
И виноватое молчание
Прервёт ненужный разговор.

И снова, встретясь ненамеренно,
В глазах с досадой промелькнёт
Скорей догадка, чем уверенность,
Что ты не та и я не тот.

Вздохнём – и разойдёмся в стороны,
Небрежно бросив на пути
То «до свидания», которому
Не суждено произойти.